

Даже сам бог работал; значит, его последователи тоже должны были работать.

Иначе, когда не станет денег и появится угроза умереть с голоду, не будет же он содержать их за свой счёт?

На следующий день Линь, чувствуя, что так и не выспался, зевнул, встал, замотал повязкой глаза и, шаркая ногами, вместе с остальными жильцами второго этажа апартаментов «Мятное масло» отправился в ванную в конце коридора, чтобы умыться и набрать воды.

В этом доме Линь считался фигурой известной — в год здесь один-два человека, получившие деньги благодаря везению или усердию, переезжали, но сдать экзамен и стать инквизитором смог только этот молодой человек с явными признаками генетического заболевания, проявляющегося в форме отсутствия расовых черт.

Соседи, которые раньше при встрече просто его игнорировали, теперь, завидев Линя — особенно в дни, когда он шёл на работу, — не только тепло здоровались, но и интересовались, когда он собирается переехать, а заодно предлагали познакомиться с дочерьми своих родственников.

И именно с дочерьми родственников, а не со своими. У Линя в семье было слишком много голодных ртов, да и сам он страдал генетической болезнью; к тому же, казалось, ослеп из-за работы в Инквизиции — явно не подходящая партия для брака.

Впрочем, как чистокровный представитель *homo sapiens* — млекопитающих, приматов, семейства гоминид — Линь и сам считал, что в обществе звероловов он действительно мало чем отличался от больного.

Поэтому, став инквизитором, он безо всяких угрызений совести оформил себе пособие по инвалидности.

А что до нынешних приветствий соседей — что плохого в том, что тебе улыбаются? Всем нравится внимание.

Сегодня Линь, отвечая на радостные приветствия, вернулся в квартиру 203, разбудил Пятнулю, спавшего на двухъярусной кровати в гостиной; включил отремонтированную им электроплиту, найденную на свалке; поставил сковороду и разогрел оставшиеся со вчерашнего вечера четыре грибных буррито.

Открыв окно, чтобы выветрить лёгкий запах масла, он услышал, как тихо приоткрылась дверь соседней спальни.

Хвостик Масима, младшая сестра Параибы Масимы, выглянула из-за двери.

При виде Линя её глаза радостно вспыхнули, и она, расплывшись в широкой улыбке, затопала к нему.

— Линь! Доброе утро!

— Доброе, — ответил он, выкладывая буррито. Одной рукой он подал ей тарелку, другой подтолкнул её к столу. — Парайба проснулся?

— Проснулся, — энергично закивала она. Её большие уши дрожали, а синие глаза, похожие на глаза Парайбы, но более тёмного оттенка, уставились на буррито в руках Линя. — Именно он разбудил меня.

— Ясно. Иди умойся. Вчера ты не чистила зубы — сегодня почисти как следует.

В семье никто, кроме Линя, особенно не заботился о чистке зубов. Но, прожив вместе более трёх лет, остальные уже привыкли к его требованиям, а некоторые даже переняли его «научные» техники чистки.

Линь считал, что тем, у кого нет денег на стоматолога, тем более нужно беречь зубы — особенно детям вроде Хвостик, у которой уже выпадали молочные.

Поставив буррито на стол, он отодвинул тетради и учебники Пятнули, оставленные после вчерашних занятий. В это время Пятнуля, держа в руках кружку с водой, вбежал в комнату Масим и крикнул:

— Парайба, вставай!

Мыть Парайбу, помогать ему умываться и вытираться являлось обязанностью Пятнули.

А Линь, надев форму инквизитора, положил свою порцию буррито в промасленный бумажный пакет, взял его в одну руку, а в другую — кожаный чемодан.

Книга таинств была крепко привязан ремнём снаружи чемодана.

— Я пошёл, — крикнул он в спальню.

— Хорошо, — откликнулся Пятнуля.

А через секунду до него донёсся слабый голос Парайбы:

— Линь, удачи в пути.

Когда он открыл дверь, Хвостик, возвращавшаяся бегом, чуть не врезалась в косяк.

Но она совершенно не обратила на это внимание и просто раскинула руки.

Поняв её намерение, Линь присел, поставил чемодан и обнял девочку.

Она чмокнула его в правую щёку.

— Счастливого пути! Я присмотрю за Пятнулей в школе!

— Что ты там несёшь! — донеслось из спальни.

— Угу, полагаюсь на тебя. И не забудь напомнить ему отдать товар Ректиху, — сказал Линь, совершенно не стесняясь слышавшего всё Пятнули, и потрепал Хвостик по голове.

После этого он поднялся, взял чемодан и направился к лестнице.

Спускаясь, он обернулся — Хвостик всё ещё стояла в дверях. Он помахал ей рукой.

Через минуту Линь вышел из апартаментов «Мятное масло» и оказался погружённым в атмосферу шумного утра третьего уровня Шпиневия.

Лампы на потолке горели; вентиляция гудела, заменяя мутный воздух улицы, в котором было слишком мало кислорода. Отряды собирателей, вернувшиеся ночью из грибного леса с трофеями, расставили по улице лотки. Открытые мешки из плотного волокна лежали всюду, а из них торчали шляпки и ножки грибов самых разных форм. Рядом стояли закупщики из ресторанов нижних уровней, рассматривая товар.

Другие покупатели толпились у охотников, торговавших дичью — от грибных жуков до упитанных зайцев и оленей. Цены в процессе торгов менялись каждую секунду.

Где-то вдалеке кто-то, крича «расступитесь!», нёс на руках окровавленного леопардолюда к врачу.

Чем ближе Линь подходил к трамвайной остановке, тем тише становился шум. Ощущения были теми же, что он испытывал до своего пятнадцатилетия, когда переходил из пригородного базара в центр города.

Однако сами трамваи уже отличались от тех, что находились в его воспоминаниях: в подземном городе не существовало моды на большие вагоны, вмещающие за раз по двадцать сидячих и ещё столько же стоячих мест. Здесь по рельсам ходили лёгкие квадратные

вагончики, в которых влезало не более четырёх пассажиров, водитель и кондуктор.

Даже если при строительстве и учитывали несущую способность, слишком большое количество тяжёлых машин, создающих трение и вибрацию при движении, всё же накладывали на уровни ненужную нагрузку. Линь забрался в один из вагонов; кондуктор сначала взглянул на него с радостным удивлением, но, когда он заметил на новом пассажире форму инквизитора с красными погонами, его лицо тут же помрачнело.

Линь предъявил ему удостоверение. Кондуктор без особого энтузиазма махнул рукой, как бы говоря поскорее садиться этому счастливому обладателю права на бесплатный проезд по городскому транспорту.

До ближайшей шахты лифта дорога заняла около двадцати минут.

После почти часа в пути Линь убрал из рук словарь с местной лексикой и, сойдя на своей остановке, зашёл в лифт.

Центральное отделение Инквизиции Шпиневилля находилось на втором уровне.

Стоило Линю выйти из лифта, как он понял, что всё центральное отделение было полностью под локдауном.

Обычно возле лифтов дежурил один боевой служитель-инквизитор, но сегодня у дверей стоял целый отряд из пяти полностью вооружённых людей.

— А, Линь, доброе утро, — поприветствовала его командир группы. — В обед иди в столовую пораньше. У нас военное положение, продукты сегодня не подвезли, будут только остатки со вчера. Если опоздаешь — останешься без мяса... Твоё удостоверение.

Линь достал документ для проверки. Этот предмет алхимической работы в обычное время всегда имел температуру тела владельца, но вот в чужих руках сразу становился холодным.

Он провёл удостоверением по прибору, который держала командир, и приложил палец для снятия отпечатка. Индикатор на приборе загорелся зелёным.

— Хорошо, проходи, — кивнула командир, а другой инквизитор вернул Линю чемодан.

— Что произошло? — спросил Линь. — Долго это продлится?

Хотя он и задал вопрос, в душе у него уже появилась догадка.

Вчера верховный инквизитор спокойно возвращался домой и даже пригласил его поужинать. Линь тогда закономерно решил, что та секретная миссия, о которой он не хотел лишний раз задумываться, прошла успешно, и всё кончилось; оставалось только выяснить, откуда произошла утечка информации. Но теперь было очевидно, что её последствия оказались куда масштабнее.

— Не знаю, — вздохнула командир группы. — Но нам сегодня явно придётся поработать сверхурочно.

— Держитесь, — Линь похлопал её по плечу и не стал мешать проверке следующего прибывшего.

Высота потолков на уровне, где располагалось центральное отделение Инквизиции, тоже составляла около девяти метров, но пространство делилось максимум на два этажа. Весь второй уровень принадлежал Инквизиции — здесь находились тренировочные залы и оружейные склады.

Ритуальное подразделение, где служил Линь, располагался на первом этаже.

Стоило ему войти внутрь, как на его пути встретился один неприятный коллега с широкой улыбкой на лице. Его радостное выражение выглядело столь странно, что Линь даже замедлил шаг.

— Линь, — с явным удовольствием заговорил Аллет Вульпис, — тебе сегодня несказанно не повезло.

Линь только безмолвно бросил на него взгляд.

Аллет являлся вульпийским лисолодом. Линь не слишком разбирался в разновидностях лис, но предполагал, что это была обыкновенная рыжая — его длинные волосы и хвост с чёрным кончиком имели рыжий цвет.

На верхушках острых ушей также торчали чёрные кисточки. Насыщенно зелёные глаза, лицо с чёткими чертами, высокий рост и подтянутое телосложение — хотя его внешность явно не дотягивала до харизматичного верховного инквизитора и безупречного секретаря Ловветро, он всё же заслуживал титул красавчика.

Кроме того, он приходился родственником начальнику ритуального подразделения, был наследником богатой семьи и после выпуска сразу получил место в центральном отделении, придя туда исключительно ради повышения по службе. Казалось бы, у него отсутствовали поводы придираться к Линю.

Но вот только у Линя имелось на несколько наград больше, чем у него.

«Мужская зависть — страшная вещь», — подумал Линь.

К счастью, этот его коллега отличался простодушностью: ни коварства, ни умения притворяться, как в сказках о хитрых лисах, он не имел. Его «враждебность» выражалась в том, что он раздавал дорогие сладости всем, кроме Линя; ел принесённый из дома обед у него на глазах, обзывался словом «нищий»; а при его приближении начинал громко рассказывать о связях своей семьи с влиятельными личностями...

Линь думал, что подобные наивные молодые люди существовали только в его прошлом мире. Поэтому, хоть тот его и раздражал, иногда такое поведение казалось даже забавным.

Например, сейчас слова Аллета, сказанные с ехидцей, на самом деле намекнули ему на кое-что важное.

Линь, уже подозревающий, из-за чего закрыли отделение, начал думать о том, какие у него могли быть «проблемы».

Вчера он случайно оказался в одном вагоне метро с верховным инквизитором.

Именно их поезд подвергся нападению, что вызвало нынешнюю цепочку событий.

И если смотреть под определённым углом, то...

«Могут ли они думать, что я — лазутчик культа Искажения?»

Линь, конечно, знал, что невиновен — но он не являлся высокопоставленным сотрудником, поэтому вызвать его на допрос в ходе текущего расследования было вполне естественно.

И тут возникала проблема.

Секретная миссия верховного инквизитора его не касалась, но с прошлой ночи у него появился секрет, о котором он не мог никому рассказать.

— Если меня и вправду втянут в неприятности, я скажу, что ты мой соучастник, — бросил он Аллету, лицо которого мгновенно перекопилось от возмущения и неприязни.

Лисолюд уже собирался огрызнуться, но Линь отвернулся. Со стороны это могло показаться презрением, хотя на самом деле он просто посмотрел в сторону кабинета начальства. Оттуда выходили трое людей с закреплёнными на головах яркими лампочками.

Это были священники Дракона Света. В Инквизиции значительная часть инспекторов

внутреннего надзора состояла из них.

Глава троицы, заметив Линя, кивнул ему.

— Инквизитор Линь? Пройдёмте с нами.

<http://bllate.org/book/12612/1119956>